

БИБИХИН — ЗНАТОК СТИХА И БИБИХИН-СТИХОТВОРЕЦ

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6

Поступила в редакцию 09.02.2023 г.

Принята к публикации 10.09.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-2

Издание «Отдельные записи 1965 – 1989 годов» открыло читателям стихи В.В. Бибикина на случай как инструмент понимания закономерностей культуры. В записях Бибикин обсуждал становление канонов национальной поэзии и неожиданные его факторы, в стихах имитировал поэтику русских поэтов, окруженных ореолом мифа, заменяя при этом моралистическое содержание на экзистенциальное. В этих домашних стихах обсуждается этико-метафизический вопрос, как возможно присутствие в бытии, которое не будет гордыней или нарушением чужих прав.

Ключом к поэтике этих стихов становятся размышления Бибикина о соотношении стиха и прозы в период становления национальных литератур: он настаивает на беспредпосылочности распределения форм стихотворного и поэтического высказывания, политическому конструированию как источнике национального языка и на роли телесных привычек, таких как ходьба, бег, плавание, открытие которых при выполнении культурно-миссионерской национальной программы порождает как устойчивые формы стиха, так и новые жанрово-тематические комплексы. Записи показывают, как стихотворчество позволило ему вскрыть изнанку мифа о поэте, показав роль концептуализаций в становлении творческой индивидуальности и ассоциирующегося с ней ритма.

Общее рассмотрение стихового знаточества и стихотворчества Бибикина позволяет ответить на ряд связанных вопросов: как в позднесоветской философии понималось начальное действие культурного творчества, не предрешированное, но имеющее в виду универсальную форму социальной организации; как герменевтические усилия были направлены на метакритику социальных ритуалов; как сочинение стихов позволяло объяснить закономерности потребления текстов в разные периоды, а значит, специфику переломных эпох в культуре как эпох проблематизации такого потребления.

Ключевые слова: Бибикин, стиховедение, философия культуры, интеллектуальная история СССР, эпоха застоя, миф о поэте, репутация поэта, переходная эпоха, смена культурных эпох

1. Введение: как Бибикин занялся стихом и стихами

Дневниковые записи В. В. Бибикина, изданные его вдовой О.Е. Лебедевой (Бибикин, 2022), соединяют в себе основной диапазон речевых стратегий дневника: это и инструмент самоанализа, и творческая лаборатория, и архив черновых записей, и хроника чтения, и мемуарные истории. Такие стратегии разделить не просто: Бибикин сочетает раз-

вернутое размышление с краткими характеристиками, что больше напоминает не о дневниковой, но эпистолярной речи, где собеседники с полуслова понимают, почему данное явление охарактеризовано именно так. К примеру, Бибихин может подробно пересказывать какую-то книгу, а потом сделать кратчайшее замечание о ее авторе, или наоборот, рассуждать о каком-то из коллег, а затем несколькими словами обозначить высказанные последним идеи. Такая краткость замечаний позволяет противопоставить дневники Бибихина философской эссеистике, в которой как раз опыт должен найти множество развернутых способов выражения.

Но если эпистолярные правила требуют, чтобы лаборатория или самоанализ были подчинены более общей структуре дискуссии, обсуждения происходящего, то Бибихин может принять в игру и другие речевые стратегии. Ему явно помог опыт работы над переводом писем Петрарки, в которых нет следования дискуссии и выявления в частной переписке ее границ, — напротив, эти письма учреждали дискуссию. Для этого требовалось подробно говорить о себе как *учредителе дискуссии* и при этом указывать на прочитанное и продуманное кратко и емко, дожидаясь реплик собеседников.

Так и у Бибихина — самоанализ может быть выражен одной строкой рядом с большим мемуаром или, наоборот, одной строкой он говорит о прочитанном, предварив это длительным и пытливым самоанализом. Замечания о стихах и сами стихи в записях наследуют этой сжатости. Бибихин развивает свою концепцию поэзии, рассматривая не столько содержание стихов или литературные аллюзии, довольно очевидные для него как эрудита, сколько неожиданные приемы, неожиданные техники стиха. Так, смена точной рифмы на неточную для него может говорить о степени свободы поэтической речи и об ограничениях литературного воображения в сравнении с философски и этически продуманной организацией жизни.

В этом смысле мы рассуждаем о Бибихине как о знатоке стиха. Мы не употребляем слово *стиховед*, подразумевающее филологическую специализацию, хотя, конечно, как переводчик с разных языков, включая санскрит, он хорошо знал историю стиха в индоевропейских языках. Но понятие *знаток стиха* — удачно, оно позволяет говорить о некоторых специальных, воодушевляющих собеседников знаниях, которые могут быть адаптированы всякий раз по-новому для частных переводческих задач в случае специального обсуждения этих задач.

В отличие от тех избранных дневниковых записей, которые Бибихин опубликовал при жизни под названием «Узнай себя» (Бибихин, 1998а), в этих — тоже избранных, но не предназначенных автором для публикации — записях есть большое число стихотворных опытов, иногда весьма пространных, но также и контекстуализирующие замечания о стиховой форме, обычно очень краткие. И стихи как часть творческой лаборатории, и замечания о природе и возможностях стиха появлялись как побочный результат переводческой деятельности: Бибихин переводил много, с разных языков, от санскрита до испанского, экспери-

ментировал с передачей подлинника требуемым размером и звучным ритмом; что не находило места в переводе, превращалось в самостоятельные стихотворные вариации.

Задача этой статьи состоит в реконструкции представлений Библихина о стихе, иногда находящих выражение в переводческой практике, а иногда позволяющих делать замечания о природе поэзии, часто скрытые в форме необычных речевых оборотов в этих экспериментальных стихах. Библихин нередко свертывает свои позиции о каком-то предмете в виде поэтико-риторических формул, противостоящих слишком прозаическому и плоскому афоризму. Подобная реконструкция уже проводилась по отношению к идиомам Библихина (Романенко, 2015) и его политическим рабочим терминам (Павлов, 2019), но не применительно к поэзии и философии поэзии, где обычно исследователи ограничиваются общими формулировками. Тогда как исследование поэтико-риторических формул, образных узлов рассуждений Библихина, позволит лучше реконструировать его философские позиции в отношении языка и других предметов, десятилетиями занимавших его мысль.

Название нашей статьи отсылает к работам Гаспарова о Брюсове (Гаспаров, 2005а) и Андрее Белом (Гаспаров, 2005б) с одним только изменением, просто потому что Библихин не публиковал отдельных специальных стиховедческих исследований. В своих статьях Гаспаров проанализировал сознательное выстраивание двумя ведущими поэтами русского модерна инноваций, когда стиховедческие презумпции прямо определяли характер эксперимента, а удачи или неудачи эксперимента вели к новым систематическим стиховедческим исследованиям, расширившим поле внедряемых в практику инноваций.

При этом Гаспаров показал, что кроме этой общей диалектики существует все время определяющее вмешательство самого характера трудолюбивого поэта — грубого Брюсова и нервического Андрея Белого, что обуславливает уже не столько порядок создания приемов, сколько порядок их представления в тех произведениях, которые авторы сочли образцовыми и заслуживающими публикации. Социологическая перспектива у Гаспарова минимальна, ее заменяет характерология вполне в духе переводимых им Плутарха или Светония. Случай Библихина отличается от рассмотренных Гаспаровым по двум параметрам: он не предназначал свои опыты для публикации, но также не располагал презумпциями, скорее прямо настаивал на том, что в настоящей поэзии презумпции неотделимы от инноваций. Это имело большие последствия для своеобразной науки о поэзии, которую развивал Библихин уже в трудах 1990-х годов.

К знаточеству стиха относится итоговый труд о языке поэзии, в котором Библихин прямо настаивает на том, что поэтические приемы не столько делают речь содержательнее, сколько придают стихам тот смысл, который не выводится из других смыслов (Библихин, 2009). Содержание может оставаться тем же — более того, институты интерпретации содержания способны удерживать прежний вид даже при резкой

перемене способа поэтического сообщения. Но благодаря необычным поэтическим приемам смысл не просто обогащается и расширяется. Над вектором речевого смысла, даже обеспеченного самыми невероятными приемами и образами, надстраивается новый смысл, не риторический и близкий философскому, богословскому и пророческому.

В этой большой книге на множестве примеров от «Махабхараты» до «Дикого Шиповника» О. Седаковой Бибихин показывает, как собственные аспекты поэтической речи (необычные приемы), такие как фиктивное обращение, обобщение разнородных модальностей высказывания или риторическая механика наблюдения над опытом слушателя или читателя, превращают поэзию в носительницу сразу двух смыслов, а не только множества значений. Это 1) лирический смысл нового взгляда на вещи, нового вектора восприятия порядков событий, включая события внутренней жизни, и 2) пророческий смысл нового отношения к событиям, невероятной перестройки их порядков, которая никак не подразумевалась прежним движением и взаимосвязью нам известных и нами пересказанных событий.

2. Бибихин: от переводоведения к теории поэзии

Бибихин немало писал о переводе. Основная мысль его как переводоведа состоит в том, что задачей перевода является не выбор удачных стратегий, а минимизация неудач. Он рассуждал так: обычно передачу размера, ритма или фонетики считают удачей, равно как за удачу принимают сохранение значений и нюансов значений слов оригинала. Но эта история удач на практике оказывается историей неудач: ведь ошибкой будет и чрезмерная выразительность, и чрезмерная косность (и перелет, и недолет).

Например, неточная передача фразы оригинала есть недостаток перевода, но и переигрывание со значениями оригинала, попытка сразу заставить их работать, тоже есть недостаток перевода — это ложная и упрощенная выразительность, которая может уводить от цели не меньше, чем вялый и не дотянувшийся до оригинала перевод. Обычно считают удачей воспроизводство богатых рифм или каких-то еще особенностей формальной организации оригинала. Но как неумение подобрать нужные звуковые решения по слабости переводчика, так и удачный подбор слишком громких или даже слишком похожих решений может уводить от оригинала или убивать его.

Так произойдет просто потому что мы будем принимать эти удачные и выразительные решения за факт той литературы, которую мы конструируем («своей» или «чужой», но сконструированной в нашем воображении), и в результате не поймем, что именно говорит автор оригинала. Бибихин пишет:

Связь с автором происходит не через то сомнительное открытие, что в его жизни были такие же человеческие события как у нас. Давние обстоятельства никого по-настоящему не задевают, а если кто к ним присмотрится, они покажутся до странности и отчуждения сходны с нашими. Связь

между автором произведения и автором воспроизведения проходит раньше: через терпеливую оберегающую готовность и умение допустить чтобы такие вещи как жизнь, обстоятельства вообще *были*, допустить и позволить чтобы вообще был человек и был мир, допустить сначала простор, на котором могут происходить вещи, создать и сберечь его. Какой бы неуловимой и бессодержательной ни казалась эта готовность допустить быть миру, умение хранить то, что дано и что есть, как раз это неуловимое, раньше всякого содержания проходящее единомыслие переводчика и автора создает переводимость (Бибихин, 1979).

Такое единомыслие следует понимать не как совпадение каких-то характерных решений, но, напротив, как умение отойти от привычного предципирования понятий ради совпадения навыков речи переводчика со смыслом переводимого высказывания. Например, мы можем поневоле понять в приведенной цитате и «готовность» как некоторое состояние, и «жизнь» или «обстоятельства» как некоторое состояние, и тем самым счесть, что просто случайное совпадение состояний воспринимающего и воспринимаемого и производит смысл.

Но на самом деле Бибихин говорит о другом: мы должны иначе предципировать в случае слова «жизнь», чем в случае слова «готовность». Если «готовность» мы понимаем как ситуацию шанса, то тогда жизнь мы уже не должны мыслить как шанс, но скорее как ситуацию смысла, который должен заполнить и реальность. Бибихин рассуждает, что жизнь не следует противопоставлять смыслу, но, напротив, жизнь и оказывается смыслом там, где мы поняли «терпеливую оберегающую готовность» не как смысл, а как некоторый набор значений, указывающих на ситуацию начального отношения к языку и реальности.

Излагать переводоведение Бибихина лучше всего в рамке самого общего вопроса, стоящего за всеми частными вопросами, поднятыми этим философом. Он может быть сформулирован так: возможно ли перевести какой-либо текст, задающий правила предикации для неограниченного множества других текстов, соблюдая все типы предикации в этом тексте? Такой вопрос прямо связан с тем самым двойным смыслом поэзии, о котором мы сказали в конце предыдущего раздела. Под *соблюдением* мы имеем в виду не какое-либо воспроизводство этих типов, которое с помощью условностей интеллектуальной культуры указывает на эти начальные предикации в оригинале, но такое расположение предикаций в переводном тексте, чтобы любой читающий этот текст в переводе встретил ровно те же предикации, тех же типов и в том же порядке, какие встречает читатель оригинала.

Типом предикации мы называем тип создания той ситуации, в которой какие-то высказывания понимаются как высказывания о самостоятельно существующем, а какие-то — как высказывания об условиях понимания существования, наделяющие привилегией существования только некоторые вещи, о которых возможно высказывание. Предельно упрощая исторически, можно сказать, что мифологическое повествование предципирует все так, что эти вещи оказываются субстантивны — даже действия, например рассвет, рождение или кипение, могут пони-

маться как субстанции, то есть боги. Тогда как философское повествование, наоборот, показывает, что большинство называемых вещей — не субстанции, а определенные условия субстантивации, например указания на обстоятельства, на источники обстоятельств, на исключительную позицию вещи или на что-то еще.

Оригинальная комбинация условий субстантивации и составляет специфику подхода какого-либо философа, например учения Аристотеля о категориях или учения Витгенштейна об обыденном языке. Задачей Бибикина было как раз показать, что в поэзии условия субстантивации тоже могут быть обнаружены до конца, как и в философии. Но только эти условия в поэзии, в отличие от философии, имеют в виду не порядок производства истинных высказываний, а порядок расположения разных форм высказывания, религиозного, пророческого или интроспективного (направленного на самопознание) в качестве истинного.

То, что в мифологическом тексте при переводе изменяются предикации, очевидно из самого понятия о художественной литературе и художественном переводе. Любой переводчик художественной литературы знает, сколь зыбка граница между олицетворением и стертой метафорой, между определением и описанием, между рассмотрением самостоятельного действия вещи и установлением этой вещи как служебной части более сложной системы. Те мифологические тексты, которые кажутся легче всего переводимыми, например гимны, состоящие из одних имен, оказываются и искажаемыми при переводе, потому что изменяется предикация и эти имена начинают пониматься как характеристики, а не как часть возвания к божеству.

Достаточно вспомнить, сколь долго в школе изучают базовые понятия, связанные с колеблющимся статусом предикаций в поэзии, например «олицетворение», «эпитет», «художественная речь», чтобы читающие поэзию, в том числе подражающую иноязычным образцам, не недоумевали, почему гроза в одном случае обстоятельство и часть картины, в другом — действующее лицо и почти мифологическая фигура.

Творческая мастерская Бибикина должна была *ускорить* этот процесс освоения базовых для критики поэзии понятий, при этом уделив больше внимания философским системам, оспаривающим привычные представления о предикации, для создания в том числе и более качественной науки о поэзии. Тогда и отрицания в философии, негации, во множестве содержащиеся в философских работах Бибикина (что *не есть* что) будут пониматься не в смысле бытового незнания, но в смысле спецификации философского предмета.

Школьное воспитание читателей ведет к тому, что при переводе происходят многочисленные сдвиги предикаций. Иначе достаточно было бы изучать образцы, где реализуются мифологические фигуры или, скажем, украшающие эпитеты, объявив, что они сохраняются при переводе и подражании — и потому составляют уже не проблему эстетического восприятия, а предмет уверенного знания об устройстве поэзии. Но имея дело с художественной речью в школе еще до освоения базовых понятий о поэтических предикациях, мы не можем еще получить такого уверенного знания.

Такие сдвиги предикативного опыта мы все узнаем, например, когда подыскиваем соответствие для цвета и выясняем, что синий, голубой и лазурный — это не простые обозначения нашего опыта опознания цветов в их отличии от других, но часть сценографии, в которой эти цвета символизируют определенный опыт отношения с реальностью — например, принятия геральдических смыслов, смыслов власти. Об этом Бибихин писал в тексте о Хайдеггере и Витгенштейне — крупнейших философах, которые выясняли границы цвета в качестве и границы языка, и границы опыта (Бибихин, 2003).

Бибихин тем самым отрицательно решил вопрос, можно ли перевести Аристотеля, Лейбница или Хайдеггера так, чтобы невозможно было сказать по поводу какой-либо фразы, что в оригинале иное соотношение между подлежащим, сказуемым и второстепенными членами предложения, чем в переводе, — при этом не подчиняя перевод условностям чтения, требующим видеть за переводом оригинал и потому принимающим простое калькирование предикации за осмысленный перевод. В философии тоже появляется второй вектор смысла, как и в поэзии, только не пророческий в отличие от лирического, а опровергающий школьный подход к философии и поэтому описываемый только негативно.

Привыкшие к школьной философии говорят, что не находят смысла в таких-то текстах, имея в виду что-то вроде «Я не могу из этого текста выучить и заучить некоторый полезный раздел, как это я делаю со школьным учебником». Осмысленность для них сводится к тому, что перевод работает внутри созданного оригиналом целого, поддерживаемого школьными интерпретациями, строками школьного учебника, подгоняющими синтаксис перевода под готовый вопрос, например «Как Аристотель понимал отношение материи и формы», так что у них фраза, в которой Аристотель переизобретает это отношение, просто оказывается скалькирована и потому искажена. Там, где была энергия, изобретательство, необычное обращение со словами, там в переводе оказывается вполне обычное обращение с ними, точнее, обращение, отражающее ситуацию взгляда на эту предикацию, а не саму предикацию.

Такая ситуация обычного и рутинного обращения с вещами философии привычна для разделяющих единый взгляд, заданный учебником. Но кто не принадлежит к этому сообществу взгляда, может увидеть в осмысленности учебника только недосказанность и предполагаемое искажение предикативного спектра мысли философа, не соответствующее оригиналу.

Бибихин поставил вопрос, как можно мыслить смысл в отвлечении от осмысленности, в поэзии — как пророческий, а в философии — как методологический и включающий в себя негативность, отрицание, в форме диалектики или в форме созерцания или какого-либо еще приращения к вещам. Негативность следует понимать в близком Гегелю смысле, в том числе как альтернативу упрощенного школьного понимания гегелевского историзма.

Мы определяем, исходя из построений Бибихина, в рабочем порядке отличие философского текста от нефилософского так. Философский

текст — это текст, соответствующий правилам хотя бы одной частной науки, но при этом устроенный так, что выступает методом как минимум еще для одной частной науки. Наука может определяться с помощью любого общепринятого определения — и как приращение знания, и как систематизация знания с целью его приращения, и как способ обсуждения знания с целью установления достоверного знания. Все эти и другие возможные определения не будут противоречить друг другу, но дополняют друг друга ввиду наличия общего функционального смысла как области пересечения этих определений, вне зависимости от того, что остается стоять за этим пересечением.

Соответственно, мы рассматриваем контекстуализующие методологические замечания Бибихина как философский текст, а его своеобразное пророческое стихотворчество — как практическое создание науки о стихе, того самого частного знания о демонстративных возможностях стиха. Дневники Бибихина как бы создают *обратную перспективу* возвращения от уже воплотившихся предикаций к начальному предикативному спектру будущего смысла. Бибихин имитирует готовые вещи искусства (причем готовые вещи, как мы увидим, могут быть и незавершенными, и с открытым финалом — в культуре они готовые), чтобы вернуться к тем неготовым вещам, в которых видна *предикативная специфика философской и поэтической речи*. Это и должно позволить провести *продуктивные границы* между философией и поэзией.

3. Импровизации Бибихина — что делает смысл

Анализ любого эпизода нововышедшей книги Бибихина показывает, что стиховедческие замечания скрыты в ремарках. Например, вот начало пьесы-экспромта:

Балет в кабинете; царица, семеро придворных в темных облегающих платьях. Входит осторожно, но смело, обращается к отцу, гибкому, престарелому финикиянину:

Отец! Делами государства
Ты занят; но хотела б я с тобою
Поговорить; и стало быть, делами
Не менее серьезными занять (Бибихин, 2022, с. 791).

Понятно, что первая строка, с отступлением от шекспировского ямба, передает эту осторожность (строка короче последующих), но и смелость (отход от канона). А три шекспировские строки с переносами и оговорками «стало быть», вместе с ударным словом «серьезный» воспроизводят образ финикийца как гибкого (переносы) и престарелого (рассудочность и готовность все взвешивать до конца, все эти «не менее»). Тем самым героиня оказывается во власти отца, в его пространстве смысловых решений уже в момент своей речи, чтобы потом подорвать эту власть своим танцем, особым метром и рифмой в следующей стихотворной реплике.

Таким образом, мы можем говорить не о семантических соответствиях, но об общем движении смысла, внутри которого человек поневоле оказывается: если нужно поговорить, значит, ты уже оказываешься в плену другого и в плену этой нужды. И так, Биbihин показывает важный момент своей философии, что любой разговор не только что-то открывает, но ограничивает, берет в плен, и пророческий или философский смысл только и может тогда разомкнуть ряд (группу) прежних ограничительных конструкций. Это новое благородство размыкания прежних конструкций мысли и жизни становится темой книги Биbihина «Новый Ренессанс» (Биbihин, 1998б), ангелом-хранителем которой и является поэт-философ Петрарка.

Другой пример — это записи 1983 года:

Ярость славянского самопреследования — это ярость религиозной войны.

Спадут земные тяжкие оковы
И мрачным заревом костры отпольхают
И мы поднимемся, ... новы,
На берегах невиданного края.
Кто ..... (Биbihин, 2022, с. 592).

Этот стих отсылает сразу и к «Борису Годунову» Пушкина, на который есть намек в предыдущей записи, и к обращенному к Мицкевичу пушкинскому стихотворению «Он между нами жил...» В таком случае становится понятно содержание прозаической ремарки: конфликт славян, который во времена Смуты мог восприниматься как самопреследование, как война одной части элиты с другой, оборачивается во времена Пушкина яростью религиозной войны, готовностью стоять за свои убеждения, не просто за свой аристократизм, как в «Борисе Годунове», но за некоторую религиозную преданность собственной судьбе, в которую уже встроена утопия славянского соединения всех в общую семью.

Тем самым выясняется, что и имитация черновика Пушкина — это имитация как раз незавершенных произведений, где как раз были попытки выразить глубинные убеждения, которые уже не могут быть только политическими; а общий смысл и оказывается тем пророческим смыслом, который специфицирует учение Пушкина о благородстве. Анафора «И», как и другие ей подобные (вроде «И опыт, сын ошибок трудных, / И гений...»), напоминает, что и катастрофы, и возрождения — часть более значимой миссии поэзии. Соответственно и стих с неточной, непущинской рифмой показывает, что при Пушкине такой миссии состояться еще не могло, и благородство Ренессанса и Пушкина — это задача на будущее. Тем самым тонкость знаточества стиха здесь служит и тонкому пониманию, как тип предсказания обходится с задачами, оставленными на будущее.

Третий пример — еще более ранний, запись начала 1976 года:

Один истинный свет, один истинный мир, — сердечный, божий. И этот мир и свет обращаются ко всему человеку и требуют всего человека, и в человеке не остается уже перегородок, и во взгляду на самого себя снаружи он, как голубь в раю.

Но этих внешних глаз у него нет, он слеп, как Гомер.

Как пышно истины цветенье!
 Как стройно-слажен гром веков!
 Как вовремя приходит тленье!
 Как нежно клонит в царство снов
 листвы осеннее круженье.
 Как неизбывно искушенье
 Уснуть под мерный звон оков.

И сладостно дремать в тумане,
 На снах тревожных ворожить,
 забытья в их родном обмане,
 листвы стопой не ворошить.

Но страшным будет пробужденье.
 В неугасающем огне.
 Очнется роковой мечтатель
 И языки огня расскажут
 ....
 О неискренности нашей,
 О неразгаданной вине (Бибихин, 2022, с. 298).

Набросок стихотворения со вполне цельным сюжетом поражает соединением одических восклицаний Тютчева с лексиконом Блока (и отчасти, Ин. Анненского). Понятно, что и Тютчев, и Блок были прочитаны как поэты, которые, исходя из гипотезы двоemiрия, всячески ее оспаривали на уровне теорем: ты уже принадлежишь бездне или катастрофе, второму миру, непосредственному вмешательству Бога в судьбы, а значит, недостатком твоего опыта бытия оказывается только нехватка внешних глаз, а именно, указания на то, как устроен мир причин.

Леность прямо следует из такого райского состояния, вроде аристократически-усадебной обломовщины, — на что указывает нарративность первой строфы сразу после группы восклицаний. Такая нарративность воспроизводит шаблоны русской лирики, захваченность эмоцией при виде чего-то равномерного и признание непреодолимости эмоции, даже когда ты знаешь ее последствия. Но эти шаблоны и служат намеком на первый смысл, который должен смениться указанием на второй смысл, к которому невольно вело ускоренное разворачивание исторического опыта в русском модерне. Значение всякий раз указывает на смысл, просто у Бибихина всегда два значения и два смысла, и позволяющие специфицировать поэтические и философские предикации.

Дальше провал в ад выступает как феноменология забвения, как раз как забвение каких-то причин позволяет пережить и мучение, хотя все нарративы действуют. Соответственно, и сам стих импровизации Бибихина проходит все этапы развития стиховой культуры в русском модерне — от рутинных четверостиший с точной рифмой, но звуковым и образным обогащением, до ассонанса «мечтатель — нашей», уже указывающего на предреволюционный и революционный стих.

Тем самым стихотворение не сообщает отдельные значения, но сообщает смысл, что катастрофа могла быть пережита русской поэзией, сохранившей целостность внутренней жизни, — и поэтому стихи пригодны для того, чтобы говорить о катастрофе, катастрофа не разрушила эту их способность. Рассуждение Бибихина в русле глубокого знания поэтической культуры служит пророческим вектором будущего и одновременно способом говорить о способности и возможности как философских категориях, связанных с определенными навыками предикации.

Приведу еще два примера. Запись 1972 года, хотя и разделенная несколькими днями между прозой и стихами, из которой цитирую только последний абзац прозы:

...Как человек в грязной одежде на свадьбе, так человек с нечистым разумом, стремящийся приблизиться к Богу. У него могут быть неправильные мысли о Боге, так же как гость может плохо подумать о не с радостью принявших его хозяевах, а это будет совершенно неверно.

1. Тот, грустный, молчаливый и трагичный,
Которого я очень часто вижу, —
Он вроде бы куда-то все стремится,
Судьбе предавшись, и темнея взором, —
Он — я; то я куда-то устремляюсь,
И молчаливо мчусь к своей судьбе,
И я загадочен так странно, и трагичен,
И сам к себе учащем я тревожусь,
И, наблюдая сам себя, волнуюсь,
И все гадаю, кто ж он (я), далеко ль
Его несет неясная судьбина,
И почему все так он молчалив.

2. Сегодня это мне привиделось в минуту
Неясной полудремы, светлой, краткой, —
Когда я вновь увидел близкий облик,
И вновь его рассматривал с волнением,
Не понимая, почему так тронут.
И понял вдруг, что вижу сам себя (Бибихин, 2022, с. 80 — 81).

Как богослов и религиозный философ, Бибихин настаивает на том, что грязные одежды из евангельской притчи — признак не неуважения, но когнитивной катастрофы. Неуважение относится к области значения, а вот отсутствие взаимопонимания — к области смысла, что человек не будет правильно переживать гнев Божий как часть онтической структуры мира.

Но над этим прямым смыслом высказывания надо надстроить другой, пророчески-философский смысл. Поэтому то же самое, что сказано в прозе, разыграно Бибихиным в стихах: белый шекспировский стих говорит о двусмысленности печальной и трагической репутации второстепенного героя в пьесах Шекспира, который не является протаго-

нистом вины, но несет на себе свою вину. Бибихин выступает как знаток стиха, понимающий, как работает шекспировский стих в мире трагического спектра предикаций.

Перед нами как раз образец монолога, но как бы о второстепенном герое от лица третьестепенного, так что они сливаются в вину — и вина состоит в некоторой нечистоте помыслов. Не случайно сначала идут женские рифмы, которые как раз создают впечатление однообразия, а после появляется мужская рифма как способ обратить внимание, сформировать точку зрения. Но раз другой молчалив, то и ты молчалив и ничего сказать не сможешь, ты оказываешься внутри трагического сюжета. Так даже тип рифмы создает и избыточность сюжета, и размыкание нашего привычного бытия в сторону будущей трагедии.

«Молчаливо мчусь» и образно, и фонетически напоминает Лорку, которого Бибихин немало переводил. Но дальше, в первой строке второй части стихотворения, лишняя стопа — это намеренная ошибка, намеренная нечистота, как бы взятие говорящим вины на себя, так что потом и становится возможно новое повествование, со множеством эпитетов. Стиховедческая тонкость Бибихина здесь поразительна. Вместо обстоятельств образа действия перед нами развертываются эпитеты, то есть уверенная речь, которая позволяет, несмотря на волнение, верифицировать себя, поняв, что неправильные мысли уже ушли, уже послужили катастрофе. Предикативная работа уже проделана поэзией и уже дала какие-то результаты, которые осмыслит философия. Тем самым дополнительный смысл состоит в том, что у катастрофы есть не столько виновник, сколько режимы зла и служения катастрофе на уровне значений, тогда как пророк оспаривает такое служение, а философ со своим рационализмом — такие режимы.

В этих строках сквозит явная отсылка к белому стиху «Моцарта и Сальери», сну Моцарта и словам Сальери «Ты, Моцарт, недостоин сам себя». Имя катастрофы — Сальери, тогда как Моцарт видит себя в тот самый миг, когда мужское окончание в белом стихе как раз маркирует, что маска снята, что можно сказать «я» и поставить точку, и ее ставит Моцарт. Так возникает пророческий смысл как способность Моцарта, служителя гармонии, оспорить и постоянство масок, и банально понятное служение в искусстве как исполнение нечистых намерений столь же нечистыми мыслями и словами.

Наконец, последняя интересующая нас запись:

Сгоревший в XX веке свиток Пушкина

На обуглившемся листе можно еще с трудом разобрать слова:

Молчи, томись и жди. Вот высшая наука.

Пусть годы чередой бегут;

томись в огне и жди (Бибихин, 2022, с. 158).

Понятно, что речь в этом сжатом эпизоде идет о «Воспоминании» Пушкина, а в стихотворной импровизации дается отсылка к переводу

Пушкина из Саути про пенатов («Еще одной высокой, важной песни...»): «И нас они науке первой учат...». При этом вторая строка выглядит как конец строки, а третья — как начало; но отточий не поставлено.

Пушкин в этой импровизации как бы попал в тот самый мир без начал и концов, без отточий, где он уже изучил науку молчания, — отчего вдруг неожиданно пушкинский слог переключается с первой строкой *Silentium* Тютчева. В самом слове бегут нельзя не увидеть отсылку к *курсиву* (букв., беглому письму) Петрарки, и его же томлению по Лауре. То есть, говорит Биbihин, Пушкин и Тютчев — это наш Петрарка. А значит, оправданы и записи как интимное признание, которое наделено не только первым смыслом размышлений о смысле жизни, часто рутинной и неудачной, но и вторым, пророческим смыслом почтения к молчанию, в котором только и возможен переход от устной речи к письменной, а значит и от мифа — к гражданскому или философскому закону.

Так обратная перспектива движения от готовых произведений, импровизаций, к начальному первому смыслу, позволяет обрести второй смысл, конструктивный и для развития поэзии в прошлом, и для развития философии в будущем — того развития философии, которое Биbihин и подразумевал в своем проекте. При этом мы быстрее осваиваем значения различных категорий и быстрее переходим от уже освоенных рутинных значений к новым значениям, позволяющим дать полную категоризацию мира поэзии (стихovedческие и образные понятия) и мира философии (отрицания и заделы на будущие философские исследования).

4. Смыслы и значения после пережитой предикации: итоги знаточества стиха

Биbihин в его квадрате двух смыслов и двух значений не одинок, наоборот, он стоит среди великих мировых философов. Высказывание философа обычно имеет форму связных определений, когда из одного определения происходит следующее, при этом это следующее, в отличие от частных наук, не может быть представлено как экспликация или практическое приложение предыдущего (приложение для практических целей), но только как новая мысль, методологически значимая для частных наук.

Таким образом, высказывание любого философа упрощенно можно представить как «А таково, что Б имеет к нему определенное отношение. Такое отношение А и Б, которое может быть представлено как С, таково, что Д имеет к нему определенное отношение». В случае двуслойных поэтических-прозаических дневниковых импровизаций Биbihина нельзя не увидеть то же самое. Но Биbihин производит перевод поэтического или прозаического в режим наблюдательной записи, чтобы перевод боролся с инерцией привычного понимания.

Если спроецировать приведенную модель из двух фраз на дневники Биbihина, то можно получить такую его обратную перспективу возвращения от готовых вещей к поэтическим и философским предикациям. В первой фразе будет говориться о первом смысле, например, о том, что наш быт может быть осмыслен, или наше переживание исто-

рии может быть осмыслено, или из катастрофы может быть сделан вывод. Но во второй фразе или втором рассуждении будет говориться о втором смысле, что нужно сделать ряд умолчаний — например, не искать сразу виновного или не искать сразу повод к слишком подробным и потому неточным высказываниям, и тем самым понять, что и быт, и пережитое — это только часть того проекта будущего, который от нас не зависит.

Поэтическое выступает тогда как средство перевода, перехода от первого смысла ко второму, чтобы оба суждения не были восприняты как одинаково констатирующие или обладающие единой прагматикой. Ведь понятно, что отношения в двух приведенных условных фразах различны, но при этом могут быть выражены единым средством, например глаголом-связкой «быть». В простом прозаическом переводе или пересказе повторение такой связки в обеих фразах сразу заставит подозревать, что речь идет об одном и том же отношении. Тогда как использование неожиданного средства, например стиховых приемов, истолкованных прозаическими мировоззренческими замечаниями, сразу объясняет, что мы встречаем разные отношения к происходящему в поэзии и философской прозе: разные спектры предикаций в отношении к настоящему, поставленному в перспективу будущего. Но и философская проза тогда, после этого опыта Бибихина, уже никогда не повторяет готовое, а получает свой концептуальный слой, соответствующий пророческому слою в поэзии и выглядящий извне часто как негация, отрицание, рассказ о том, чем что не является.

В комментированных импровизациях Бибихина появляется смылоразличительный избыток, который позволит не принять замечания за констатации, когда инерция чтения текста как канонического как бы субстантивирует все высказывания, которые мы принимаем как должное и тем самым прочитываем всё неверно. Обычно при внимательном чтении поэзии или философии, где мы видим, на каких условиях отношение А и Б стало С, потому что принимаем те правила субстантивации, которые допускаются данным специальным употреблением, мы никогда не путаем способ отношения значений в первом и втором суждении. Тогда как при чтении перевода, пересказа и комментария, когда мы растеряны и не знаем, как принять что и в какой мере субстантивировать в оригинале, мы слишком буквально начинаем понимать те субстантивации, которые появляются в читаемом тексте.

Простое сличение оригинала и его перевода, пересказа или комментария только собьет с толку, — потому что мы попытаемся сразу дать какие-то формулы для субстантиваций в данном философском оригинале. Но эти формулы будут грубыми и упрощенными в сравнении и с навыками этого философского или поэтического языка, и с исполняющимися пророчествами поэта или обладающими смысловой полнотой суждениями философа. Бибихин противостоит этой инерции привычного всеми силами и всеми способами, указывая, как возможно конструирование из уже усвоенных значений неготовых смыслов отношения к настоящему и будущему.

Поэтому Бибихин создает особый текст в своей лаборатории, в котором поэтические приемы сразу повествуют о мировоззренческих вопросах, тогда как кратчайшие комментарии показывают, каков статус

постановки этого вопроса внутри мировой философии и общего проекта будущего. Благодаря этой лаборатории философия раскрывается вместе с движением мысли, а не вместе с инерцией внушенного учебниками предрассудка о содержании данной философии или данного философского труда, или школьного знания о том, что сделал Петрарка или Лорка.

Бибихин-стихотворец оказывается исследователем того, как можно перейти от первого смысла ко второму, а Бибихин — знаток стиха — того, как дело Петрарки или Моцарта было делом их будущего, а не их настоящего. Он всякий раз выясняет, как их дело относилось к той логике культуры, которая не сводится даже ко *второму необычному значению*, значения второго корректирующего и критического суждения, располагающегося при этом в плоскости уже продуманного, — но требует и *второго смысла* как переживания пророческого обличения или интеллектуальной метакритики существующих идей на будущее.

Благодарности

В основу статьи положен доклад на конференции «Поэтика текста» (Тверь, 27–28 января 2023 года). Благодарю С.Ю. Артемову, В.Я. Малкину и А.Г. Степанова за обсуждение работы и А.А. Арустамову, С.А. Мартынову и О.А. Штайн за глубокие советы.

Список литературы

Бибихин В.В. К переводу классических текстов [1979] // Официальный сайт В.В. Бибихина. URL: http://www.bibikhin.ru/k_perevodu_klassicheskikh_tekstov (дата обращения: 15.01.2023).

Бибихин В.В. Витгенштейн и Хайдеггер. Один эпизод [2003] // Официальный сайт В.В. Бибихина. URL: http://www.bibikhin.ru/vitgentshtein_i_haydegger (дата обращения: 15.01.2023).

Бибихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998а.

Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М., 1998б.

Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб., 2009.

Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022.

Гаспаров М.Л. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Избранные работы. О стихе. О стихах. О поэтах. М., 2005а. С. 102–122.

Гаспаров М.Л. Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Избранные работы. О стихе. О стихах. О поэтах. М., 2005б. С. 123–135.

Павлов И. Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Бибихина // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, №3. С. 195–223.

Романенко Ю. Живое зеркало и ученое незнание (*Vivum speculum et docta ignorantia*) // Стасис. 2015. Т. 3, №1. С. 268–287.

Об авторе

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: markovius@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

Для цитирования:

Марков А. В. Бибихин — знаток стиха и Бибихин-стихотворец // Слово.ру: Балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 44—60. doi: 10.5922/ 2225-5346-2024-1-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

VIADIMIR BIBIKHIN:
THE CONNOISSEUR OF POETRY AND THE POET

A. V. Markov

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia

Submitted on 09.02.2023

Accepted on 10.09.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-2

The publication of «Selected Records from 1965 to 1989» has exposed the reader to poetry of Vladimir Bibikhin's poetry as a key to understanding the patterns of culture. In these records, Bibikhin discussed the formation of the canons of national poetry and its peculiarities. In his poetry, Bibikhin emulated the poetic style and essence of Russian poetry, surrounded by the aura of myth and replacing moralistic content with existential themes. These poems delved into the ethical-metaphysical question of how presence in existence is possible without arrogance or violation of the rights of others. Bibikhin reflected on the relationship between poetry and prose during the formation of national literatures. He insists on the non-conditionality of the distribution of forms of poetry and poetic expression, political construction as a source of the national language, and the role of bodily movements, such as walking, running, and swimming. The exploration of these movements, discovered during the implementation of a cultural and missionary national programme, gives rise to both stable forms of verse and new genre-thematic complexes. The Records demonstrate how poetry allowed the poet to unveil the underside of the myth of the poet, revealing the role of conceptualizations in the development of creative individuality and the associated rhythm. A comprehensive examination of Bibikhin's expertise in verse and his poetry addresses several related questions: how late Soviet independent philosophy initially interpreted cultural creativity, not predetermined but aimed at the formation of universal social organization; how hermeneutic efforts were directed towards metacritique of social rituals; and how composing verses helped explain the regularities of text interpretation in different periods, thus elucidating the specificity of pivotal epochs in culture as eras of problematizing this interpretation.

Keywords: *Bibikhin, verse studies, philosophy of culture, intellectual history of the USSR, stagnation, myth of the poet, poet's reputation, transitional era, change of cultural epochs*

This article is based on a paper presented at the conference «Poetics of the Text» (Tver, January 27-28, 2023). I would like to express my gratitude to Svetlana Artemova, Viktoria Malkina, and Alexander Stepanov for their valuable contributions during the paper's discussion. Special thanks go to Anna Arustamova, Svetlana Martyanova, and Oksana Shtain for their insightful advice.

References

Bibikhin, V. V., 1979. *K perevodu klassicheskikh tekstov (1979)* [To the translation of classical text]. Available at: http://www.bibikhin.ru/k_perevodu_klassicheskikh_tekstov [Accessed 15 January 2023] (in Russ.).

- Bibikhin, V. V., 1998a. *Novyi Renessans* [New Renaissance]. Moscow (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 1998b. *Uznai sebja* [Know yourself]. St. Peterburg (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 2009. *Grammatika poezii. Novoe russkoe slovo* [The grammar of poetry. A new Russian word]. St. Peterburg (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 2022. *Otdel'nye zapisi 1965–1989 godov* [Selected Recordings 1965–1989]. St. Peterburg (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 2023. *Wittgenstein i Heidegger. Odin epizod (2003)* [Wittgenstein and Heidegger. One episode]. Available at: http://www.bibikhin.ru/vitgensthein_i_haydegger [Accessed 15 January 2023] (in Russ.).
- Gasparov, M. L., 2005a. Bryusov the Verse Scholar and Bryusov the Verse Performer (The 1910s and 1920s). In: *Izbrannye raboty. O stikhe. O stikhakh. O poetakh* [Selected Works. About verse. About verses. About poets]. Moscow, pp. 102–122 (in Russ.).
- Gasparov, M. L., 2005b. Bely the Verse Scholar and Bely the Verse Performer. In: *Izbrannye raboty. O stikhe. O stikhakh. O poetakh* [Selected Works. About the verse. About verses. About poets]. Moscow, pp. 123–135 (in Russ.).
- Pavlov, I., 2019. An Ontology of Power as an Ontology of History: An Appraisal of Vladimir Bibikhin's Political Philosophy. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 18 (3), pp. 195–223 (in Russ.).
- Romanenko, Yu., 2015. Living Mirror and Wise Ignorance (Vivum speculum et docta ignorantia). *Stasis*, 3 (1), pp. 268–287 (in Russ.).

The author

Prof. Alexander V. Markov, Department of Cinematography and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: markovius@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

To cite this article:

Markov, A. V., 2024, Vladimir Bibikhin: the connoisseur of poetry and the poet, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 44–60. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-2.

